

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Когда мы больно начнем мудрить, всегда наделаем глупостей; известно, что мы мастера все испортить».

«Горе ученым глупцам! Для головы их обширные познания то же, что жирная пища для слабого желудка: их беспрестанно несет вздором».

Сегодня мало кто помнит, что автором этих афоризмов является чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел, бессарабский вице-губернатор, керченский градоначальник, вице-директор и директор Департамента иностранных вероисповеданий, тайный советник Филипп Филиппович Вигель (1786—1856). Его продвижение по карьерной лестнице шло с переменным успехом, не было чем-либо примечательным, он родился при Екатерине, был записан в службу при Павле, которую действительно и деятельно продолжал при Александре и окончил при Николае. Ф. Ф. Вигель не участвовал ни в войне 1812 года, ни в восстании на Сенатской площади, ни в дворцовых интригах четырех упомянутых царствований. Его жизнь мало чем отличалась от жизни других русских дворян, однако, наделенный тонкой иронией, аналитическим умом, литературным даром, Филипп Филиппович оставил потомкам примечательные автобиографические записки, позволяющие судить о незаурядности этого человека.

Потомок дворянского рода Лебедевых и Вигелиусов, Филипп Филиппович получил традиционное домашнее воспитание, а после, по решению отца, исполнял роль приживальщика в состоятельных и именитых семействах Москвы. Вспоминая об одном из первых учителей, немце по происхождению, преподававшему французский, Вигель писал: «Знал правильно французский язык, но выговаривал на нем Бог знает как». Читателя сих записок не может оставить равнодушным впечатлительность, наивность и открытость юного Вигеля: «Я любил подслушивать, когда говорили о любви, и наконец мне самому вошло в голову, будто я горю чистейшим пламенем к меньшей из княжон Хованских; разумеется, я ни слова не смел о том сказать ей, равно как и старшей ее сестре, которую также любил, но как-то иначе. Не надобно забывать, что мне еще тогда не было десяти лет от роду. Вдруг почувствовал я третью страсть, в ней смело открылся и не худо был принят».

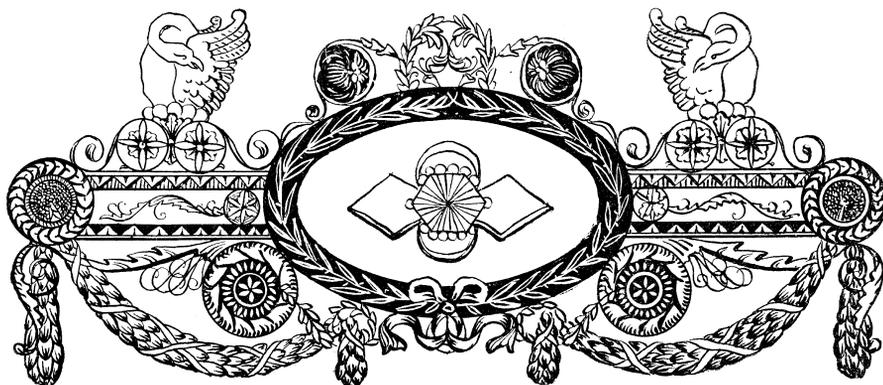
Знакомство с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, вступление в литературное общество «Арзамас» как нельзя лучше соответствовали мироощущениям Филиппа Филипповича. При этом острословие Вигеля никогда не бывало оскорбительным, вызывая улыбки на устах его приятелей. «Он пописывал стихи. Но какие? Преплохие»,— отзывался он о незадачливом поэте. «Он великий был мастер притворяться; только в Аустерлицком сражении, в чине кавалергардского полковника, не умел он притворяться храбрым и оттого должен был оставить службу и скрыться. Из сего поносного положения нельзя было выйти более счастливым и искусным образом»,— говорил он тщедушному военному. О незатейливом спектакле: «Издержал пятьдесят рублей и, право, на пятьдесят копеек не имел

удовольствия». Наконец, о своих приятелях: «На этих вечерах никто не гонялся за умом, никто ни у кого его не требовал, почти у каждого было его про себя вдоволь, и непри-
нужденно являлся он сам собою в разговорах; порывы веселости останавливались на са-
мой границе благопристойности».

«История светской жизни императорской России» составлена на основании «Записок» Вигеля, увидевших свет после того, как тайный советник вышел в отставку. В них автор сумел блестяще передать атмосферу времени, подчеркнуть особенности столичных и провинциальных нравов, чаяний своего поколения, сумел дать колоритные характеристики людей, создавших эпоху XIX в., — среди них — князя Голицын, Воронцов, Раевский, Багратион; историк Карамзин, литераторы Пушкин, Гоголь, Вяземский, Батюшков, Тургенев; политические деятели Сперанский, Аракчеев, Уваров и др.

По замечанию автора, целью данного издания явилось желание «внукам моих соотечественников, за неимением собственных, завещать повесть о разнообразных предметах, встреченных мною на длинном пути не совсем обыкновенной жизни».

Наталья Соломадина



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I



В наше время появилось бесчисленное множество исторических записок; ими наводнен Запад Европы. Иные из них мало занимательны, другие мало правдивы; но все могут, для будущих историков, быть более или менее полезны. Сии источники, иногда весьма мутные, быв собраны, пропущены сквозь беспристрастную критику, очищены вкусом и гением, могут составить величественный, ясный поток, коим Карамзины грядущих времен будут напоять любопытную жажду к познаниям, более и более увеличивающуюся в моем отечестве.

Давно родилась во мне мысль и желание обратиться в один из сих источников, продолжить к концу приближающееся, тленное и малозначительное бытие мое, превратить его в существование столь же неизвестное, невидимое, в журчание неслышимое, с надеждою случайно брызнуть когда-нибудь из мрака и земли и быть замечено каким-нибудь великим мужем, который удостоит приобщить меня к своему бессмертию или, по крайней мере, долговечию.

Обстоятельства, не благоприятствующие намерению моему, препятствовали мне доселе приводить его в исполнение. Они не переменялись, но я решился вопреки им приступить к труду сему, столь заманчивому, быть может, бесполезному для других, но для меня уже тем полезному, что доставляет мне занятие на весь остаток дней моих.

По большей части исторические записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей, одним словом, действующими лицами, которые, описывая происшествия, на кои они имели влияние и в коих сами участвовали, открывают потомству важные тайны, едва угадываемые современниками: их записки — главнейшие источники для истории. Но если сим актерам ведомо все закулисное, то между зрителями разве не может быть таких, коих замечания пригодились бы также потомству? Им одним могут быть известны толки и суждения партера; прислушиваясь к ним внимательным ухом, они в то же время могут зорким оком проникать в самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умом наблюдательным и счастливою памятью, то сколько любопытного и неизвестного могут сообщить они своим потомкам!

От самого рождения природой и фортуной быв осужден, по мнению моему, более чем на ничтожество, во всем получив от судьбы посредственность в удел, я, однако же, беседовал много с мудрейшими из моих соотечественников, был в самых близких сношениях

с просвещеннейшими из них; глупцы и невежды мне также вовсе не были чужды: я долго жил посреди их и в мыслях часто мерил пространство, тех и других отделяющее.

Я не убегал также от нищеты и не отказывался от знакомства с богатыми: от знатного до простолюдина, все состояния мне были известны. Пространнейшее государство в мире проезжал я от Востока до Запада и от Юга до Севера и был вне пределов его; его блестящие столицы и отдаленнейшие от них провинции, непроходимые леса Сибири и безлюдные степи Новороссийского края мне равно знакомы. Я пил воды Селенги и Сены и от вершины Хамар-Дабана странствовал до Содомы Нового Завета (т. е. от Забайкалья до Парижа), который посетил я после падения минутной великой империи.

Я родился при Екатерине, записан в службу при Павле, действительно и деятельно продолжал оную при Александре и оканчиваю ее при Николае. Еще в младенческом возрасте все окружавшее меня сильно возбуждало во мне внимание и любопытство, все врезывалось мне в память, и все в ней сохранилось.

Пока еще лета не лишили меня сей способности, желаю я внукам моих соотечественников, за неимением собственных, завещать повесть о разнообразных предметах, встреченных мною на длинном пути не совсем обыкновенной жизни.

О себе буду говорить мало: скромность не позволит мне хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которые едва могут служить перевесом бесчисленным недостаткам или даже порокам; а стыд, который еще знали в наше время, не допустит меня открывать последних. Не имея великой славы Жан Жака Руссо, не имею и прав на бесстыдство его.

В описываемом мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляр, вставляющий в нее попеременно картины и портреты и многообразием их старающийся заменить недостаток в искусстве живописном.

Но, делаясь провожатым читателя сквозь места и происшествия, мною виденные, должен я, прежде всего, говорить ему о себе, даже о том, что было до меня, о моем происхождении.

II

Я долго почитал себя шведом. Один нечаянный случай, а еще более любопытство мое и тщеславие показали мне мою ошибку, открыли мне горькую истину.

Предки мои в Эстляндии, в Везенбергском округе, владели мызами Иллук и Куртна. Мой дед заложил их в 1765 г. на пятьдесят лет, и мне досталось или выкупать их, или за некоторую сумму уступить право на вечное ими владение. Я был молод, жил тогда в Петербурге. Эстляндия, которую увидел я зимой, показалась мне мрачным оледенелым адом; я боялся хлопот и рад был за маловажную сумму отказаться от права принадлежать к знаменитому рыцарству. Поспешая обратно в столицу, я не исполнил даже священной обязанности посетить могилу моего деда и не подумал заглянуть в документы, по коим фамилия моя владела сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, действие коего я, впрочем, весьма редко ощущал, побуждало меня гораздо после, лет шестнадцать спустя, стараться с точностью узнать эпоху, в которую могущественные предки мои основали свое владычество за Нарвой, тем более, что представилось к тому весьма удобное средство: г-н Брун, шурин г-на Ребиндера, коему уступил я права своей фамилии, служил тогда под моим начальством. По просьбе моей скоро доставил он мне копию с нужных для меня бумаг, и что же открылось? Первым владельцем помянутого имения в моем роде был только дед отца моего, именем Валдемар и, что еще ужаснее, он назывался Вигелиусом.

Кому неизвестно ныне, что в Финляндии природные жители имеют обычай, коль скоро получить какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозвание свое латинским усом. И потому-то вероятно, что прадед мой — сын какого-нибудь пастора или профессора финского племени, который, происходя из низкого состояния, украсил имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы, кажется, если он был доктор богословия или медицины и коли непременно ему нужно было себя латинизировать, не называться ему дон Вигелем, как были дон Калмет, дон Букет. Дон не так тесно связывается с именем, как ус, его легче отбросить. Хвала дедушке, что, вступив в военную службу, он сбрил сей ученый ус.

Но как бы то ни было, я не швед. Увы, нет никакого сомнения: я финн или эст, или, попросту сказать, чухонец! Потомству обязан я говорить всю истину, но от современников буду тщательнее скрывать сию ужасную тайну. Открыв ее, враги-насмешники, конечно, не оставят попрекать меня чудской моей породой. Они готовы сделать более: они готовы будут сравнивать меня с сими бесчисленными несчастными, презренными тварями, с сими потерянными женщинами, кои, родясь в окрестностях северной столицы, так легко впадают в бездну пороков и которые дума-



Аксель Спарре.
Карл XII

ют возвысить себя и состояние свое, называя себя «ветками», т. е. шведками. Впрочем, что делать? Если бы сие и случилось, у меня всегда будет чем заплатить им.

Похвастаться дедом моим, Лаврентием Владимировичем (как русские его называли), имею я более причин. Почти с самого детства следовал он за победоносными знаменами Карла XII, быстро проходил чины и земли, его герою покорявшиеся, и в звании капитана драбантского полка, едва имея двадцать лет от роду, взят был русскими в плен под Полтавою. Почему с другими пленниками не был он тогда отправлен в Сибирь, мне неизвестно; вероятно, из числа ссылаемых были изъяты владельцы Остзейских провинций, сделавшиеся новыми подданными Петра Великого.

Нового своего отечества не полюбил дед мой и никогда не хотел ему служить. Он спрятался на мызе своей и долго вел уединенную, мрачную и безбрачную жизнь. Не знаю, как сие случилось, но, наконец, полюбилась ему одна благородная девица, Гертруда фон Бриммер. Он вступил с нею в законный брак, и по ней отец мой и дяди удостоились чести быть в родстве с Буксгевденами, Бренернами, Розенами и другими знаменитыми лифляндскими баронами — чести, которою я, по крайней мере, всегда весьма мало гордился.

Дальнейших подробностей о деде моем я не имею, ибо отец мой вырос не при нем и рано

его лишился. Знаю только, что он никогда не покидал своего поместья, был столь же трудолюбивым хозяином, как храбрым воином, и что сей капитан Цинциннат всегда плакал при имени Карла XII и постоянно ненавидел Россию.

Доказательством сей ненависти служит следующее. Из семи сыновей своих четырех старших, не знаю, по какому праву, послал он за границу служить другому герою, великому Фридриху.

Неблагодарность его против России, под управлением коей он столь долго наслаждался спокойствием и независимостью, была жестоко наказана: один только старший сын, Лаврентий, уцелел в Семилетнюю войну; другие же трое, Оттон, Фредерик и Валдемар, в цвете лет погибли от русских ядер или штыков. Старший же сын жил, видно, очень долго, ибо в прусской службе умер генерал-майором и комендантом крепости Торуня. (Детей он не оставил, а вдова его, урожденная Глазенап, как она подписывалась, обращалась к отцу моему с просьбою об исхода-тайствовании ей пансиона, посредством нашей миссии.)

Младших трех сыновей своих, Ивана, Якова и Филиппа, решил дед мой посвятить России; но на то были особливые причины.

Карл Петр Ульрих, герцог Гольштейнский, внук сестры Карла XII, великий почитатель, как известно, великого Фредерика, был также племянник императрицы Елисаветы Петровны и наследник ее престола. Но его блеска как бы не видел сей слепотствующий германец; могущество народа, над кем ставила его судьба, не мог понять сей слабоумный, сей слабодушный внук Петра Великого. Почти в ребячестве привезенный в Россию и крещенный в нашу веру, он никак не умел сделаться русским: воспоминания младенческих лет и окружавшие его немцы, кои сохраняли их в нем и в его царствование, надеялись воскресить времена Бирона, никак его к тому не допускали. Образцом его сделался просвещенный гений, но он умел только перенять его ошибки.

Подобно Фридриху, обожателю всего французского, который не знал истинного духа германцев (сих мыслителей по превосходству) и видел в них только ратных людей и боевые машины, всероссийский наследник начал подражать всему немецкому, презирал все русское и мундир прусского генерала предпочитал императорской короне. Забывая или не зная, что создатель прусской славы вводил строгую дисциплину в войске и образовал солдат своих не для парадов, а для побед, он первый у нас начал видеть просвещение в маршировке и, говоря словами того времени, в метании артикула. Поэтому-то Гольштейнский его батальон и Кадет-



Ханс Хольбейн Младший.
Портрет Генриха VIII.
1539—1540 гг.

ский корпус немецкого издания, коего он был шефом, сделались постоянными, единственными предметами его занятий.

Под его покров поставил дед мой трех маленьких сыновей, может быть, видя в них тайно будущих мстителей, будущих повелителей в ненавистой земле. Их приняли в Кадетский корпус, и когда половина семейства моего деда пролила русскую кровь, другая сохранилась и воспитывалась на русские деньги. Старая Россия, в незлобии и беспечности, во всем походила на нынешнюю.

Из трех сыновей, о коих я выше упомянул, один только был действительно умен. В науках, в поведении, даже самую наружность младший отличался от двух старших — это был мой отец. Но оставим сей любезный для меня предмет: к сему живейшему, сладчайшему из моих воспомина-

ний я часто буду возвращаться. Теперь поспешу окончить рассказ о моих дядях.

Старший из них, Иван, всю жизнь свою служил в военной службе; другой же, Яков, начал было с нее, но скоро перешел в гражданскую. С ограниченным умом, с пылкими страстями, они не могли пойти далеко. Дядя мой Иван был то, что в старину называлось «забубенный»: влюбчив, мотоват и весьма не строгих правил. Он не дожид до старости и кончил жизнь премьер-майором, комендантом Орской крепости, бездетен, хотя и был женат на дочери какого-то гарнизонного офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яков Лаврентьевич, был примечателен необыкновенной честностью в делах. К сожалению, бескорыстные, беспристрастные судьи у нас всегда были редки; они почитались феноменом, и когда-то ими дивились и их уважали. Не в это время дядя мой был судьей в Санкт-Петербургском надворном суде: над ним смеялись и о нем жалели; в нынешнее просвещенное время его бы стали преследовать. Он был отменно трудолюбив и точен, занимал всегда должности мелкие, но, как говорится, доходные, жил весьма бедно и после себя ничего, кроме скудной движи-

мости, не оставил. Долгое поприще жизни и службы окончил он в одно время, в 1802 г., едва достигнув чина коллежского советника.

Я его знавал и всегда дивился скромности его желаний и удовольствий: чтение весьма незанимательных немецких книг и изредка беседа старинного приятеля коротали для него зимние вечера; летом же занимал он огород в Екатерингофе и, покопавшись в нем, отдыхал на свежем воздухе. Мир праху его, сего доброго и почтенного родственника!

Жизнь его, однако же, не всегда была безмятежна: он знал любовь и в ней только не знал постоянства. Он не пленялся ни знатностью рода, ни блеском воспитания; красота овладевала им, где она ему ни являлась, в прачечной ли, или хотя в коровнике. Но честность его правил была видна даже среди волнений его страстей. Слово



СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	153
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	235
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	307
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	373
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	427
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	505

